

И МЯ поэта Александра Павлова хорошо известно нашему читателю. Его биография связана с родным городом и металлургическим комбинатом. Окончил индустриальный техникум. Его первые рабочие профессии — подручный резчика-правильщика и вальцовщик. После армии — газета «Магнитогорский металл», заочная учеба в Литературном институте имени А. М. Горького. А. Павлов — автор сборника стихов «Предгорье» и пяти книг поэтических переводов, вышедших в издательстве «Современник». Он член Союза писателей СССР, лауреат премии Челябинского комсомола «Орленок».

Только что в Южно-Уральском книжном издательстве вышла новая книжка стихов «Пологий свет». Лирический герой новой книги стихов А. Павлова — наш современник, человек искренний и бескомпромиссный, серьезно думающий о жизни. Чувство истории и родного края для него неразрывно связано с высокой ответственностью за утверждение доброты в мире и на земле. Поздравляя Александра Павлова, верим, что новый сборник, как и предыдущие его произведения, найдет своего признательного читателя. Сегодня предлагаем читателям отдельные стихи из этой книги, а также из цикла «Песня путника».

***
Когда бы не огонь да не железо,
не этот город с ветром озорным,
то я бы стал тобольским
косторезом,
а может быть, заслуженным
портным.
В карагачах и домиках каркасных,
на засыпных и тощих погребках
нас улица растила ежечасно,
да так, что швы трещали у рубах.
Мы белым солнцем обжигали плечи
и пили воду горных студенцов,
а в тесном клубе слушали под
вечер
заезжих торопливых мудрецов.
Нас воспитали время да железо.
И если бы не пламень голубой,
куда уж мне тобольским
косторезом —
и даже бы не стал самим собой!

ГЛЯДЕНЬ-ГОРА

В моем краю магнитные ветра
и тишина нестойкая, скуная...
У каждого своя Глядень-гора,
и у меня...
Которую скопали.
Магнит-гора...
За поволокой дней
твой гордый крик все тише и
тревожней,
но почему-то зорче и видней
у твоего глубокого подножья.
Твое большое сердце растеклось
по всей стране, от севера до юга,
укрыв ее, продутую насквозь,
стальной непробиваемой кольчугой.
У каждого своя Глядень-гора,
трибуна жизни, вещая вершина,
откуда животворные ветра,
взлетев под солнце, падают в
долины.

Магнит-гора...
Отвернутым пластом
ты падаешь в долину безымянно...
Но за тобою прячется восток
и на ступенях дремлют ураганы.

***
К чему не привыкает человек!
И к жизни,
а при жизни даже к смерти.
И к адресу любому на конверте,
к звучанью песен и теченью рек...
К чему не привыкает человек!
Он на плечах несет свой дымный
век.
Он искренне надеется,
поверьте,
что оботрется в этой круговерти...
Но, забывая все-таки о смерти,
к любви не привыкает человек!

ПОЛОГИЙ СВЕТ

Пологий свет перекрывал пролеты,
забравшись в цеховые фонари.
Он означал явление зари,
и с этим — окончание работы.
Но мне хотелось досмотреть, пока
он по стене подымется, ослабнет,
пока позолотеет и озябнет,
покинет плен стального чердака.
И вспыхнут лампы ртутные
бессонно,
и ночь придет.
Но был сирены вой —
я окунался в шлюзы душевой
и уходил к тускнеющему солнцу.
Пологий свет...
Прошло немало дней —
я усмотрел великое начало
под красными пологими лучами —
начало жизни крохотной моей.

Я понял вкус томительной воды,
воды,
как хлеба,
сытной и соленой,
ее прохладу в теле воспаленном,
ее на робе светлые следы.
Пологий свет...
И только днем за цеховой стеной
ты грянешь в них широко и
отвесно,
откованный не солнечною бездной,
а на земле,
в глухую полночь,
мной!

***
Я — Память.
Мне время подвластно.
От самого светлого дня
до самого темного часа
я — Память.
Вглядитесь в меня.
Я в каждом ростками проклюнусь
и выйду на край тишины.
Морщины — как выстрелы в
юность,
седины — как залпы войны.
Магнитка — святая былина.
Твой сын превращался в металл,
во Львове и в центре Берлина
взойдя на живой пьедестал.
Магнитка — военные тропы
и тыл, и такие бои,
что встали над всею Европой
бессмертные танки твои.
Я — Память.
Мне время подвластно.
От самого светлого дня
до самого горького часа
я — Память.
Вглядитесь в меня!

ПЕСНЯ ПУТНИКА

(из цикла стихов)

ТВОРЧЕСТВО

Поддался чувству — и не рад.
Что Паганини, Страдивари!..
Вон листья желтые шушат
на индевелом тротуаре.
Вовеки музыки такой
со сцены чинной не услышать,
вовсе не подняться выше
любой искусною рукой.
Но все равно хвала тому,
кто, проклиная звон мгновений,
в кровоподтеках вдохновенный
живет, не зная почему.

В ЛЕСУ

Куда б меня дорога ни вела —
я току жизни верен и покорен.
Да здравствует двуручная пила,
пластающая дерево под корень!
Толкни-ка, брат, ядерный этот
ствол,
над ним ветра свое отколдовали.
Все больше пользы обогреть наш
стол
и лечь золой в широком поддувале.
Но если дома свой резон в золе,
а рассужденья коротки и редки,
то на делянах догорают ветки,
не нужные ни людям, ни земле.
Так дни дымят...
Да что там дни — года!
И злой обидой вспыхивает
разум.
А там, в тебе, над мраком
непролазным,
все так же светит юности звезда.

***
Окраин голубые незабудки...
Как памятники прожитым годам —
пустые трансформаторные будки
и домики, прижатые к садам.
Холодный дождь, по стеклам
тарабаня,
здесь никакого блага не сулит.
И лишь одна-единственная баня
торгует пивом и пока стоит.
А по ночам темно, как в
преисподней,
заборы ниже клонятся к земле...
Все потому, что некому сегодня
отважно шастать в яблонево
мгле.
Одна отрада — старики на лавках,
как реки, что послушны берегам...
И старый пес, прохожего обгавкав,
без привязи плетется к их ногам.
Все чинно и степенно.
Все привычно.
Вот детский сад, вот дом родной...
И вдруг
над коробком зачем-то вздрогнет
спичка,
и, сломанная, выпадет из рук.

***
Запоздалое наше ковечье
вдоль осенних озер, а при нем
непременные кот и рачевня,
и туманистый берег с конем.
Зори зыбки и медногослы.
И плывут в омутовой волне
продувные сыпучие плесы,
как закаты думы во мне.
Здравствуй, осень!

***
Какая ты нынче!
Дух какой у тебя золотой!
И привычны и так непривычны
голоса над вечерней водой.
Словно в память, в огонь мы
глядимся
со звездой, ивняком наравне.
Это древнее наше единство...
Плещет пламя на темной волне.
Мы под головы сунем ладони,
пождем, как в ответ сентябрю
раскоптят последние кони
за сырм перелеском зарю.

***
Вот и я отошал понемножку,
повернул на жилище коня.
Это где-то жарят картошку,
это кто-то дразнит меня?
Открывай-ка, хозяин, ворота
и впускай.
И не будем темнить.
Нет, не пыль на душе —
позолота,
так что нынче могу заплатить.
Я тебя угощу Беломором,
я спую тебе песню, а ты
постарайся не счесть меня вором,
и не прячь на чердак хомуты.
Конь мой молод, учен и
застенчив,
не положит завистливый глаз
на ячень.
и латунный бубенчик
не прогневит до кочета нас.
Так что здравствуй!
И дай-ка напитокся.
Брось на лавку тулуп и прости
до зари, до последней жар-птицы,
той, что я стерегу на пути.

***
Вот и я отошал понемножку,
повернул на жилище коня.
Это где-то жарят картошку,
это кто-то дразнит меня?
Открывай-ка, хозяин, ворота
и впускай.
И не будем темнить.
Нет, не пыль на душе —
позолота,
так что нынче могу заплатить.
Я тебя угощу Беломором,
я спую тебе песню, а ты
постарайся не счесть меня вором,
и не прячь на чердак хомуты.
Конь мой молод, учен и
застенчив,
не положит завистливый глаз
на ячень.
и латунный бубенчик
не прогневит до кочета нас.
Так что здравствуй!
И дай-ка напитокся.
Брось на лавку тулуп и прости
до зари, до последней жар-птицы,
той, что я стерегу на пути.

***
Вот и я отошал понемножку,
повернул на жилище коня.
Это где-то жарят картошку,
это кто-то дразнит меня?
Открывай-ка, хозяин, ворота
и впускай.
И не будем темнить.
Нет, не пыль на душе —
позолота,
так что нынче могу заплатить.
Я тебя угощу Беломором,
я спую тебе песню, а ты
постарайся не счесть меня вором,
и не прячь на чердак хомуты.
Конь мой молод, учен и
застенчив,
не положит завистливый глаз
на ячень.
и латунный бубенчик
не прогневит до кочета нас.
Так что здравствуй!
И дай-ка напитокся.
Брось на лавку тулуп и прости
до зари, до последней жар-птицы,
той, что я стерегу на пути.

***
Вот и я отошал понемножку,
повернул на жилище коня.
Это где-то жарят картошку,
это кто-то дразнит меня?
Открывай-ка, хозяин, ворота
и впускай.
И не будем темнить.
Нет, не пыль на душе —
позолота,
так что нынче могу заплатить.
Я тебя угощу Беломором,
я спую тебе песню, а ты
постарайся не счесть меня вором,
и не прячь на чердак хомуты.
Конь мой молод, учен и
застенчив,
не положит завистливый глаз
на ячень.
и латунный бубенчик
не прогневит до кочета нас.
Так что здравствуй!
И дай-ка напитокся.
Брось на лавку тулуп и прости
до зари, до последней жар-птицы,
той, что я стерегу на пути.

***
Вот и я отошал понемножку,
повернул на жилище коня.
Это где-то жарят картошку,
это кто-то дразнит меня?
Открывай-ка, хозяин, ворота
и впускай.
И не будем темнить.
Нет, не пыль на душе —
позолота,
так что нынче могу заплатить.
Я тебя угощу Беломором,
я спую тебе песню, а ты
постарайся не счесть меня вором,
и не прячь на чердак хомуты.
Конь мой молод, учен и
застенчив,
не положит завистливый глаз
на ячень.
и латунный бубенчик
не прогневит до кочета нас.
Так что здравствуй!
И дай-ка напитокся.
Брось на лавку тулуп и прости
до зари, до последней жар-птицы,
той, что я стерегу на пути.

Руки — во, и во — спина!
Что положишь, что поставишь —
как подрезана она!
Голова уходит в плечи —
выплывает, как ладья,
и на лавочке под вечер
громоздится громадь.
Словно предки встали кругом...
И откуда столько сил?!
То ли дед ходил за плугом,
то ли плуг за ним ходил.
То ли в пахоте глубокой
у деревни на краю
шли быки и ненароком
откопали громадь.
Бабка Света мечет громы —
сила есть и толщина...
По ее словам, худому
кукиши — красная цена.
Захолоньте и не троньте
стылой наледи седни!
Пять сынов легло на фронте,
оставался лишь один.
Оставался в Синегорье,
посреди озер и скал...
В черном горе,
в синем море
в белой замяти пропал...
Ты увидишь до рассвета
в мае или сентябре,
как на лавке бабка Света
громоздится во дворе.
Как тяжелыми глазами
у стены качает век...
И летят года над нами,
и добреет человек.

ДОЛГ

Я задолжал всему на свете,
живу порою, как в лесу,
живу, как в вешнюю грозу,
но не мечтаю о просвете.
Я задолжал...
И что с того?
Мой долг особый, повсеместный,
земле и матери, и песне,
и сердцу друга моего.
Мой долг всему, что наяву,
благодаря чему живу,
благодаря чему дышу я,
благодаря чему бушую...
Я долгом прадедам пронизан,
я землю в долг перекрою.
И словно в будущее виза —
все, что потомкам в долг даю.
***
Есть у тоски высокие права —
на стройный хор любого
бичеванья
не обращать малейшего внимания
и пропускать усердные слова.
Есть у тоски печальные права —
лишь понимать радетелей
любезных
и утверждать в потугах
бесполезных,
и принимать обидные слова.
Но на плечах своя же голова!
Ее не нужно заменять чужою.
А кто-то говорит: своей не стою...
К чему тогда усердные слова?
Не дай мне бог с чужою головой
тянуть у жизни жалкий жребий
свой.

***
Есть у тоски высокие права —
на стройный хор любого
бичеванья
не обращать малейшего внимания
и пропускать усердные слова.
Есть у тоски печальные права —
лишь понимать радетелей
любезных
и утверждать в потугах
бесполезных,
и принимать обидные слова.
Но на плечах своя же голова!
Ее не нужно заменять чужою.
А кто-то говорит: своей не стою...
К чему тогда усердные слова?
Не дай мне бог с чужою головой
тянуть у жизни жалкий жребий
свой.

КОПЕЙСКИЙ МОТИВ

Все при себе, как по-армейски...
Багаж крутых и горьких дум.
В шахтерском городе Копейске
иду спокоен и угрюм.
Дороги новые и лица,
и снова сожжены мосты.
И надо заново явиться,
и надо в чем-то повториться,
забыв любимые черты.

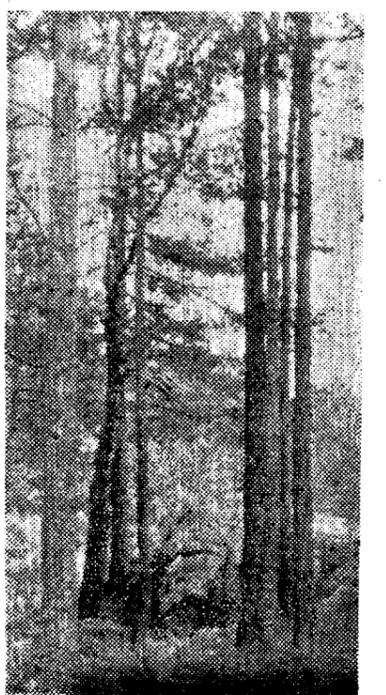
— Забудь! — я память умоляю.
— Забудь! — я заново явлюсь
весной, зовущей к урожаю,
твоей неправдою упылю.
Но зла не будет в сердце гулком,
да и к чему оно, когда
идут копейским переулком
мои сгоревшие года.

НЕДОПЕСОК

Ступлю во двор, сжимая посох,
но встретит вяло у крыльца
не грозный пес, а недопесок —
начало грустного конца.
Конец былой, кондовой крепки,
какою славилась изба...
Цветут ухоженные степи.
А что поделаешь — судьба!
В лесах потоптанные травы,
в озерах — мутная вода...
Где вы, лихие волкодавы,
за кем ступаете, куда?
Собой былое обозначив,
ушли в неведомую даль...
Едва ль на выставках собачьих
вам обеспечена медаль.
Ступлю во двор, поставлю посох,
взгляну на тощий сеновал...
— Ну, здравствуй что ли,
недопесок!

Дай лапу и не жди похвал.
***

Как память нас сегодня отыскала...
Летела — и попала прямо в цель.
По телефону голос твой усталый
так близок и... за тридевять
земель.
А до тебя еще лететь и ехать,
по бездорожью мгlistому идти.
Смеешься ты,
я слышу — не до смеха,
и сто снегов упало на пути.
Сто тысяч ветров дремлют за
хребтами,
какой из них меня повалит с ног?
Едва-едва твой голос в трубке
смолк —
и пролегла дорога между нами.
И я в пути.
Да здравствуют ветра!
Нас много раз испытывала вьюга.
И снова ты, далекая подруга,
ведешь меня, как звездочка,
светла.

В лесу. Фото А. Чувашова.